

ПРЕДИКАТНЫЕ ИМЕНА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена семантике и употреблению имен существительных, образованных от глаголов (ср. *разгрузить* — *разгрузка*, *родиться* — *рождение*) и прилагательных (ср. *красивый* — *красота*, *безнадежный* — *безнадежность*). Развивая идею З. Вендлера о пропозитивных и номинативных употреблениях таких имен, мы предлагаем для номинативных употреблений трактовку, в основе которой лежит понятие ОБЩЕЕ ИМЯ (т. е. именной предикат) и ЭКСТЕНСИОНАЛ (т. е. класс индивидуальных сущностей, соответствующий общему имени). Рассматриваются таксономические (= онтологические) суперкатегории непредметных сущностей, обозначаемых предикатными именами, — такие, как ДЕЙСТВИЕ, ПРОЦЕСС, СОБЫТИЕ, СОСТОЯНИЕ, СВОЙСТВО.

Предикатные имена (т. е. существительные, образованные от глаголов и прилагательных, такие, как *борьба*, *приход*, *отчаяние*, *скупость*), долгое время были предметом пристального внимания в трансформационной грамматике [Lees 1966; Chomsky 1972] и в философской логике [Vendler 1967]. Однако проблему семантического соотношения предикатного имени с предикатом нельзя считать решенной. Мы рассмотрим проблему в том виде, как она встает перед лексикографом. А именно, ставится задача описать семантическое соотношение предикатного имени с предикатом таким образом, чтобы получить толкование имени через значение предиката (или, быть может, наоборот — толкование предиката через значение имени)¹.

1. ПРОПОЗИТИВНЫЕ И НОМИНАТИВНЫЕ СУБСТАНТИВЫ

Предметом рассмотрения будут только ПОЛНЫЕ предикатные имена [Падучева 1984: 53], т. е. имена, сохраняющие весь набор семантических актантов исходного предиката (НЕКСУСНЫЕ имена по Есперсену; в дальнейшем речь идет только о полных именах и эпитет *полный* опускается). Этим термином охватывается то, что в традиционной грамматике называется именами действия, *nomina actionis* (*ограбление*, *обработка*) и именами свойства (*новизна*, *красота*). Как заметил еще Есперсен [Есперсен 1958: 155], многие отглагольные имена — такие, как *сон*, *отдых*, *пропажа*, *существование* — называются именами действия только потому, что в грамматике слово *действие* употребляется в качестве обобщающего обозначения для всех смыслов, выражаемых глагольной основой. Мы сохраним термин «действие» для тех случаев, когда речь и в самом деле идет о действиях.

В модели Смысл \Leftrightarrow Текст (МСТ), см. [Мельчук 1974], среди предикатных имен, соответствующих предикату P, различаются: ИМЕНА СИТУАЦИИ — они обозначаются $S_0(P)$; имена УЧАСТНИКОВ ситуации, или АКТАНТНЫЕ ИМЕНА (имя субъекта $S_1(P)$, имя объекта $S_2(P)$, имя второго объекта $S_3(P)$ и т. д.) и имена СИРКОНСТАНТОВ: имя способа/разновидности действия, имя места, результата и подобное, ср. [Апресян 1974: 45].

Актантным именам в МСТ принято сопоставлять толкования: $S_1(P)$ = ‘тот X, который P(X)’; например, *изобретатель* = $S_1(\text{изобрести})$ = ‘такой X, который изобрел’; $S_2(P)$ = ‘такой X, которого P(X)’; например, *изобретение* = ‘такое X, которое изобрели’. Между тем про имя ситуации (т. е. полное имя) считается, что оно не требует специального толкования: имя ситуации, образованное от предиката P, трактуется как СИНТАКСИЧЕСКИЙ ДЕРИВАТ лексемы P, который имеет

¹ Предикатные имена — наряду с другими типами «номинализаций» — были подробно рассмотрены Н. Д. Арутюновой (в монографии [Арутюнова 1988] и предшествующих ей публикациях).

то же значение, что и сама лексема Р [Мельчук, Жолковский 1984: 82; Апресян 1974: 43]. Иными словами, морфема, образующая имя от предиката (например, *-ение* или *-ость*), рассматривается всего лишь как синтаксическое средство выразить подчинение предиката Р некоторому другому предикату.

Трактовка предикатных имен ситуации как синтаксических дериватов имеет давнюю традицию. Так, отсутствие лексических различий между предикатом и семантически регулярно образованным от него именем подчеркивается Куриловичем [Курилович 1962], который иллюстрирует понятие синтаксической деривации на примере абстрактных существительных со значением свойства, образованных от соответствующих прилагательных в роли сказуемого: «абстрактные существительные как бы резюмируют целое предложение, опираясь на его сказуемое» [Курилович 1962: 64]. Но это и значит, что они представляют собой результат синтаксической деривации сказуемого: первичная функция глагола или прилагательного соответствует его первичной форме — предикативной и синтаксически независимой; а именной суффикс выражает вторичную функцию глагола — синтаксическое подчинение глагольной группы другому предикату, ср.

Это решение *правильно* — Я сомневаюсь в *правильности* этого решения;
Ограблен банк — Сообщили об *ограблении* банка.

Синтаксическая деривация по Куриловичу — это то же, что транспозиция по Балли [Балли 1955] или трансляция по Теньеру [Теньер 1988].

Тот же «стихийно трансформационный» подход к предикатным именам предлагает Есперсен, который сводит функцию предикатного имени (некрасивого) к чисто синтаксической — к функции выражения подчинения одного предиката другому:

Остается рассмотреть употребление слов этого разряда или, вернее, установить, с какой целью они употребляются в речи. По моему мнению, преимущество слов этого разряда в том, что они дают возможность избегать громоздких выражений, поскольку иначе для передачи той же мысли пришлось бы прибегнуть к придаточному предложению [Есперсен 1958: 155].

Странным образом, все вышеупомянутые авторы проходят мимо того очевидного факта, что предикатное имя вовсе не всегда может быть развернуто в придаточное предложение и тем более не всегда придаточное будет по смыслу равнозначно имени.

Существенный шаг вперед в семантическом анализе предикатных имен был сделан в трансформационной грамматике: Р. Лиз в своей известной работе [Lees 1960], посвященной субстантивам (*nominals*) — предикатному имени, герундию, подчиненному предложению в роли семантического актанта предиката, инфинитиву, — различил субстантивы двух семантических типов: соотносящиеся с фактом и соотносящиеся с действием (*fact-referent* и *action-referent nominals*). Ср. один из его примеров [Lees 1960: 58]:

- (а) То, что он *съел* овощи, удивительно (субстантив — подчиненное предложение; выражает факт);
- (б) *Есть* овощи полезно (субстантив — инфинитивная группа; обозначает действие).

Субстантивы I типа подобны по своей семантической структуре независимому предложению, поскольку способны включать в свой состав отрицание и почти полный набор модально-временных показателей [Lees.: 5, 65]. А субстантивы II типа сохраняют из всех синтаксических валентностей глагола только те, которые соответствуют семантическим актантам — субъекту и объектам. Английский герундий, например, принадлежит к I типу, т. е. соотносится с фактом. Между тем предикатное имя, как в английском, так и в

русском языке, может иметь оба значения:

- (1) а. Я не знал об их *встрече* (о факте встречи, субстантив типа I);
б. Их *встреча* произошла только вчера (событие, субстантив типа II).
- (2) а. Я только что узнал о его *аресте* = 'о том, что его арестовали' (тип I)
б. В книге подробно описывается его *арест* (тип II).

Таким образом, если считать, в соответствии с Мельчук, Жолковский 1984, что предикатное имя предиката Р — это $S_0(P)$, то толкование предикатных имен во фразах (а) и (б) примеров (1), (2) одно и то же. А тогда как объяснить их различный смысл и употребление? В частности, то, что в (1а) *об их встрече* = о том, что они встретились и в (2а) *о его аресте* = о том, что его арестовали, а (1б) и (2б) не допускают подобных перефразировок.

Следующий важный вклад в проблему семантического анализа предикатных имен был сделан З. Вендлером [Vendler 1967], который обнаружил, что главной различительной силой при выражении противопоставления, сформулированного Лизом, является не собственная структура предикатных субстантивов, а контекст: семантический тип подчиняющего предиката дает гораздо больше для характеристики смысла субстантива, чем его собственная форма, которая часто неоднозначна (не только в случае предикатного имени или инфинитива, но и в случае придаточного [Падучева 1986]).

Термин *факт*, который использовался для выражения семантического различия между субстантивами I и II типа в работах [Lees 1960; Vendler 1967], а также в [Арутюнова 1988], представляется неудачным, поскольку понятие факта связывается, как в обыденном языке, так и в лингвистике, прежде всего, с идеей истинности (так, фактивная презумпция — это презумпция истинности); между тем субстантивы I типа возможны и в контексте нейтральной модальности, когда пропозиция вообще не оценивается по параметру истинности, ср. нейтральный ассертивный статус субстантивов *его победа; что он победил* и *то, что он победил* в (3)—(5):

- (3) *Его победа* <в этой борьбе> маловероятна.
- (4) Неправда, *что он победил*.
- (5) Я не верю в *то, что он победил*.

Семантическая сущность противопоставления субстантивов типа I и II в наиболее ясной форме описана Вендлером: «субстантивы первого типа, которые я называю “несовершенными” (imperfect nominals), выражают (express) пропозицию, тогда как субстантивы второго типа, “совершенные”, обозначают (denote) событие, процесс или действие» [Vendler 1972: 14]. Опираясь на это разграничение, мы будем называть субстантивы I типа (и контексты, в которых они употребляются) ПРОПОЗИТИВНЫМИ, а субстантивы второго типа — НОМИНАТИВНЫМИ.

Предикатное имя в пропозитивном контексте, как в примерах типа (1а), (2а) (3), является результатом номинализации и равно по смыслу и синтаксическим свойствам исходному предикату. Как правило, такое имя может быть заменено, с сохранением смысла, на подчиненное предложение. Так,

- (1а) = Я не знал о том, что они встретились;
- (2а) = Я только что узнал о том, что его арестовали;
- (3) = а) Маловероятно, чтобы он победил; или:
б) Маловероятно, что он победит.

Поэтому для пропозитивных предикатных имен (и для пропозитивных употреблений предикатных имен, поскольку одно слово может употребляться как пропозитивное в одном контексте и как номинативное — в другом) трактовка, предлагаемая в [Мельчук, Жолковский 1984] (а также в [Курилович 1962; Балли

1955; Теньер 1988; Есперсен 1958]), вполне адекватна. Если считать, что $S_0(P)$ сопоставляет предикату P его синтаксический дериват, способный заменить P в подчиненной позиции, то, например, указания о том, что *существование* — это $S_0(\text{существовать})$, достаточно для понимания смысла слова *существование* в контекстах типа *Она читала и такие книги, о существовании которых я не подозревал*. Проблему составляют только непропозитивные имена и употребления. Так, слово *существование* в контекстах типа *с первого дня существования, облегчить существование, зарабатывал на существование, окончили свое существование* и подобных, номинативных, имеет другое значение, и это значение требует толкования.

Выступать в значении пропозитивного имени могут очень многие предикатные имена, однако все-таки не все, так что способность предикатного имени выражать в соответствующем контексте номинализованную пропозицию является одним из видов лексикографической информации. Так, пропозитивное употребление допускают слова *безнадежность, победа* (*Теперь безнадежность нашего положения становилась очевидной* = ‘Теперь становилось очевидно, что наше положение безнадежно’; *Я знаю о его победе* = ‘Я знаю о том, что он победил’); но не слова *сон, курение*, ср. *Я знаю о том, что он курит* и **Я знаю о его курении*.

Контексты, различающие два типа субстантивов, подробно описаны Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1988]. Пропозитивный контекст порождает 1) предикаты знания, полагания и истинностной оценки (*знать, считать, вероятно* и под.); 2) глаголы передачи информации (*говорить, требовать* и под.); 3) предикаты эмоциональной и ментально-эмоциональной реакции (*жалеть, бояться* и подобные); 4) предикаты воли и намерения (*желательно, намерен, планирует* и под.). Семантической доминантой всех пропозитивных предикатов является эпистемическая установка [Там же: 112], обязательный компонент в семантическом разложении пропозиционального предиката. Как показано в [Зализняк Анна 1990], там, где подчиненная предикация допускает два различных понимания, предикат неоднозначен:

- (6) а. Я помню, *как* мы купались в Москве-реке (тип II).
- б. Я помню, *что* мы купались в Москве-реке (тип I).

Глагол *помнить* в (6а) и (6б) выражает разные виды памяти — образную в (6а) и информационную в (6б).

Подтверждением может служить также следующий пример Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1988: 182]. Предложение *Расстрел демонстрации произвел на него сильнейшее впечатление* трактуется как неоднозначное: источником переживания (впечатления) может быть либо непосредственное видение сцены (номинативное значение именной группы — *расстрел демонстрации*), либо информация о факте, свидетелем которого субъект не был (пропозитивное значение той же ИГ); но в таком случае и предикат *произвел впечатление* неоднозначен: едва ли можно описать значение слова *впечатление*, не указав, что было источником впечатления — чувственное восприятие или пропозитивное знание.

Работы последних лет (см., в частности, [Там же]) показали, что четко разделить употребление субстантивов (в том числе предикатных имен), на две группы — пропозитивную и номинативную — невозможно: есть предикаты, в контексте которых субстантив должен пониматься как пропозитивный и номинативный одновременно. Дело в том, что один и тот же субстантив часто отражается в семантической структуре — при семантическом разложении глагола — как семантический актант нескольких разных семантических предикатов и имеет в одном своем вхождении в семантическое представление одну

онтологическую категорию, а в другом — другую. Возникает явление сдвоенного онтологического статуса, аналогичное сдвоенному денотативному статусу, описанному в [Падучева 1985: 100]. В частности, сдвоенный статус имеют субстантивы в контексте предикатов каузированного эмоционального состояния — *огорчает, радует* и подобные.

З а м е ч а н и е о термине «номинализация». В работе Р. Лиза «Грамматика английских номинализаций» [Lees 1960] номинализация понимается как трансформация (в некотором смысле этого слова, впоследствии вышедшем из употребления в трансформационной грамматике), с помощью которой порождаются все виды субстантивов, включая и актантные имена: посредством номинализации предложение трансформируется в субстантив, который может быть далее подставлен в другое предложение. Мы употребляем термин “номинализация” в несколько ином значении — применительно к синонимическому преобразованию, которое переводит подчиненное предложение (в пропозитивном контексте) в предикатное имя [Падучева 1986: 24]: номинализация — это синтаксическая деривация. В [Арутюнова 1988] слово *номинализация* используется для перевода англ. *nominal*. Мы переводим *nominal* как «субстантив». Как мы покажем далее, предикатные имена — все, за исключением пропозитивных, — не являются результатом номинализации как синтаксической деривации.

В определении пропозитивных и номинативных субстантивов, как оно было дано Вендлером, обращает на себя внимание его несимметричность. Субстантивы I типа Вендлер характеризует с точки зрения их значения: они «выражают пропозицию» (в самом деле, в ы р а ж а т ь можно только значение, ср. [Черч 1960: 191]), — и ничего не говорит об их референции. Между тем субстантивы II типа он характеризует с точки зрения их референции: они «обозначают события и процессы» (и в самом деле, предикатные имена типа *приезд, ограбление* о б о з н а ч а ю т — разумеется, в таком же широком смысле, что и предметные имена типа *стол* или *человек*, которые вовсе не всегда имеют конкретную референцию, — некоторые внеязыковые сущности), — и ничего не говорит об их значении.

В результате, остается два неясных вопроса: 1) какова референция у субстантивов с пропозитивным значением и 2) какое значение имеют субстантивы (а именно, предикатные имена), которые обозначают события и процессы; иными словами, чем различаются по значению, скажем, выражения *ограблен банк* и *ограбление банка*.

Что касается первого вопроса, то мы, вслед за Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1988], считаем, что пропозиция, находясь в контексте пропозициональной установки, не имеет выхода в референцию; т. е. пропозитивные субстантивы ничего не обозначают (хотя пропозиция в утвердительном контексте способна обозначать: высказывание *Ограблен банк* вводит в рассмотрение и, следовательно, обозначает, событие, см. более подробно в [Падучева 1986]).

Отрицание референции у субстантивов с пропозитивным значением фактически восходит к Г. Фреге. Как известно, Фреге [Фреге 1977] обнаружил, что предложение в контексте предиката пропозициональной установки не имеет того денотата, который оно имело бы в утвердительном контексте, даже если это предложение выражает истинный факт, как, например, во фразе *Филипп не знает, что столица Гондураса — Тегусигальпа*. Фреге считал, что в контексте предиката пропозициональной установки денотатом подчиненного предложения становится его смысл. Если, однако, говорить только о внеязыковом денотате подчиненной пропозиции, то он по Фреге отсутствует.

Обратимся теперь ко второму вопросу — о значении номинативных предикатных имен и о семантическом соотношении предикатного имени с пропозицией.

2. ПРЕДИКАТНЫЕ ИМЕНА В НОМИНАТИВНЫХ УПОТРЕБЛЕНИЯХ: ПРОЦЕССЫ, СОБЫТИЯ, СОСТОЯНИЯ И СВОЙСТВА

Непреодолимое препятствие, на которое наталкивается трактовка предикатного имени как синтаксического деривата, т. е. результата номинализации, составляет квантификация: предикатное имя может иметь полную парадигму денотативных статусов (в смысле [Падучева 1985: 83]), которым нет и не может быть никакого соответствия в семантике и синтаксисе пропозиций. Так, предикатные имена, например, *переезд*, допускают ряды употреблений (ср. *всякий переезд <на новую квартиру>*, *некоторые переезды*, *какой-нибудь переезд*, *этот переезд*, *тот самый переезд*, *один*, *другой*, *первый переезд* и т. д.), совершенно аналогичные тем, которые образуют предметные имена, например, *человек* (ср. *всякий человек*, *некоторые люди*, *какой-нибудь человек*, *этот человек*, *один человек*); см. более подробно в [Падучева 1986].

В философской логике при описании квантификации используется понятие общего имени (general term) [Quine 1960: 90]. Общее имя — это примерно то же, что именной предикат (например: *человек*, *треугольник*). Общее имя порождает класс объектов, составляющих его экстенционал: ЭКСТЕНСИОНАЛ есть класс всех объектов, по отношению к которым данный предикат является истинным. При квантификации естественной областью значений квантифицируемой переменной являются именно экстенционалы общих имен.

Принципиальная роль общих имен при квантификации объясняется тем, что в естественном языке нет переменных универсальной предметной области: если есть переменная, то должно быть соответствующее общее имя. Общее имя дает возможность строить парадигму денотативных статусов: различные статусы — это различные способы выбора (или отсылки, упоминания) объекта или объектов из того множества, которое составляет экстенционал общего имени. По-видимому, именно парадигму денотативных статусов Куайн [Ibid.] называет РАЗДЕЛЕННОЙ РЕФЕРЕНЦИЕЙ (divided reference). Главное свойство общих имен — то, что они обеспечивают возможность разделенной референции.

Принцип толкования слова в модели Смысл \leftrightarrow Текст таков, что толкуется, как правило, не слово, а ближайшая к нему сентенциальная форма; например, толкуется не глагол *показывать*, а некое условное предложение вида *X показывает Y-у Z* [Богуславский 1985: 111]. Если надо истолковать не глагол, а, скажем, наречие или частицу, то и они достраиваются до сентенциальной формы: восстанавливается предикат и необходимые актанты, которые фигурируют в толковании в роли переменных. Например, вместо слова *наизусть* в Толково-комбинаторном словаре [Мельчук, Жолковский 1984] толкуется форма «*P(X) наизусть*», где *P* и *X* — переменные [Мельчук 1974: 445]; вместо слова *только* — форма «*P только X*» [Богуславский 1985: 88]; вместо слова *друг* — форма «*X — друг Y-a*», и т. д. Из семантически связанных слов всегда толкуется то, которое имеет предикативное употребление; например, в паре *победить — победа* толкуется *победить*, т. е. «*X победил Y-a*». Иными словами, модель из всех возможных видов определений отдает предпочтение одному — определению, которое в логике называется ПРЕДИКАТИВНЫМ (definition in use [Reichenbach 1947: 261]).

Между тем толкованием слова может быть обычное определение понятия, как оно дается в традиционной логике — через *genus proximum* и *differentia specifica* (ближайшее родовое понятие и специальный видовой признак).

Вопрос о допустимости в лексикографии непредикативных определений (и, соответственно, — о толковании непредикативных лексических единиц) ставится в работе Е. В. Рахилиной [Рахилина 1991: 22], где обосновывается возможность истолкования существительного без помещения его в соответствующий предикативный контекст.

З а м е ч а н и е. Непредикативными толкованиями широко пользуется А. Вежбицка: ср. в [Wierzbicka 1969: 88] толкования существительных *голова*, *сердце* и подобных, которые имеют следующую стандартную форму: ‘часть тела, которая обладает такими-то свойствами’ (например, находится там-то, имеет такой-то вид, выполняет такую-то функцию и т. д.).

Одна из главных трудностей при толковании «предметного» (непредикативного) понятия в том, чтобы найти для него соответствующее родовое (ср. обсуждение проблемы таксономических суперкатегорий в [Wierzbicka 1985]). Традиционная логика отмечает возможные затруднения с определением таких понятий, для которых нельзя подобрать ближайшего родового. Однако в случае номинативных предикатных имен эти трудности преодолимы: как будет показано, для достаточно большой части номинативных предикатных имен удовлетворительные родовые понятия задаются словами *процесс*, *событие*, *состояние* и *свойство*.

Глагол, вместе со своими актантами, обозначает СИТУАЦИЮ, причем ситуации могут быть различных аспектуальных классов, из которых основными являются процессы, события, состояния свойства [Падучева 1986]. Мы предлагаем схемы толкования предикатных имен, эксплицитно указывающие принадлежность ситуации одному из таких классов, например:

приход [X-a] = ‘событие, состоящее в том, что X пришел’;

кипение [X-a] = ‘процесс, состоящий в том, что X кипит’;

раздражение [X-a] = ‘состояние, в котором находится такой X, который раздражен’;

свежесть [X-a] = ‘свойство такого X-a, который свеж’.

В наших примерах предикат трактуется как семантически исходный по отношению к имени — что, вообще говоря, не обязательно. Есть имена процессов и событий, не производные ни от такого предиката, например, *митинг*, *катастрофа*.

Теперь мы можем ответить на вопрос, поставленный в конце раздела 1: как различаются по значению пропозиция и образованное от нее (семантически регулярное) имя ситуации — например, *ограблен банк* и *ограбление банка*.

В логике со времен стойков различаются два вида значений — пропозитивное и номинативное (индивидное). Пропозитивное значение, или пропозиция,— это значение, которое само по себе может составить содержание высказывания, т. е. быть истинным или ложным; поэтому имени с пропозитивным значением только его синтактика мешает быть предложением. Между тем номинативное значение не может составить содержания высказывания в силу своей семантики. Это верно как для предметных имен, типа *банк*, так и для имен ситуации, типа *ограбление*. Значение общего имени ситуации, хотя оно и происходит от пропозиции, не является пропозитивным, поскольку в толковании общего имени ситуации вершиной является родовое имя (таксономическая категория), а пропозиция служит определением к этому имени, см. схемы толкований выше.

Обратим внимание на то, что в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст», при общем

предпочтении предикативных определений, для одного разряда отпредикатных слов, а именно, для имен эмоциональных состояний, сделано исключение: эти слова иногда трактуются как общие имена, а не как номинализованные пропозиции.

В работе Л. Н. Иорданской [Иорданская 1970] была предложена модель описания значения имен чувств и эмоциональных состояний, которая, в принципе, не требует, чтобы объектом толкования была сентенциальная форма. Смысл существительных типа *радость*, *гордость*, *гнев* и подобных представлен в этой работе как состояние, которое:

а) характеризуется по ряду параметров (таких, как: положительное vs. отрицательное; активное, т. е. связанное с внешними проявлениями, vs. пассивное; возбужденное, т. е. связанное с наличием эмоции, vs. спокойное) и

б) вызывается некоторой типовой ситуацией (причем оговорено, что данная ситуация обычно вызывает у субъекта такое состояние, ср. близкое — как бы остенсивное — определение, предложенное для состояний в [Wierzbicka 1972]). Иными словами, имя состояния толкуется при этом подходе как общее имя, а не как синтаксический дериват соответствующего предиката.

В [Мельчук, Жолковский 1984] при толковании имен состояний в ряде случаев используется модель Л. Н. Иорданской. Например, существительное *безнадежность* толкуется так:

безнадежность [X-a] = 'пассивно-отрицательное эмоциональное состояние X-a, каузированное тем, что X не надеется на нечто важное для него'.

Такая схема толкования применяется, однако, лишь тогда, когда имя состояния не имеет соответствующего ему по смыслу предиката — глагола или прилагательного (слово *безнадежен* в контексте *X безнадежен* не означает, разумеется, внутреннего, т. е. ментально-эмоционального состояния X-a). Если же для имени состояния есть соответствующий ему по смыслу глагол (ср. *отчаянье* — *отчаиваться*), выбирается другая стратегия. Исходя из предпосылки (вообще говоря, ни на чем не основанной), что «названия чувств являются словами-предикатами» [Иорданская 1970: 7], авторы словаря принимают за исходный член пары предикат, а существительное трактуется как синтаксический дериват — S_0 — от этого предиката, например, *гнев* — это $S_0(\text{гневаться})$. Аналогично для пар *восторг* — *восторгаться*, *восхищение* — *восхищаться*, *сомнение* — *сомневаться*, *страх* — *бояться*, *удивление* — *удивляться*, *отчаяние* — *отчаиваться*, *досада* — *досадовать*, *стыд* — *стыдиться*. Ср. также пары *обида* — *обижаться*, *огорчение* — *огорчаться*, *изумление* — *изумляться*, *радость* — *радоваться*, *раздражение* — *раздражаться*, *ужас* — *ужасаться*.

Присмотревшись, однако, к толкованиям, которые даны в ТКС предикатам эмоционального состояния, легко убедиться в том, что толкование предиката почти всегда содержит родовой термин *состояние*, который соединяется с субъектом состояния полувспомогательным глаголом, означающим 'находиться' или 'испытывать'. Ср., например, схему толкования глагола *отчаиваться*:

X *отчаивается* (по поводу Y-a) = 'X находится в таком-то состоянии, каузированном такой-то ситуацией'.

Но в таком случае естественнее дать в словаре полное толкование для имени состояния, т. е. для слова *отчаяние*, а глагол *отчаиваться* охарактеризовать как семантически производный, его смысл получается из смысла имени состояния с помощью предикативующего оператора, для имен состояния это будет оператор НАХОДИТСЯ в (X, P), для имен чувств — ИСПЫТЫВАЕТ (X, P). Например, семантическое соотношение в паре *отчаиваться* — *отчаянье* может быть описано в словаре так:

отчаянье X-а [по поводу Y-а] = 'такое-то состояние X-а, каузированное такой-то ситуацией Y и такое, которое обычно возникает у человека в данной ситуации'.

Вторичность глагольного способа выражения эмоционального состояния по сравнению с именным подтверждается тем, что для многих имен эмоциональных состояний соответствующего глагола просто нет в языке, так что единственная возможность предикативного выражения данного состояния — с помощью полувспомогательного глагола; ср. примеры «аналитических» предикативных выражений состояния: *испытывать разочарование, быть в восторге, быть в экстазе, испытывать сострадание, испытывать угрызения совести, быть в бешенстве, быть в ярости*; или фр. *avoir peur*, выражающее аналитически идею 'бояться'. У глаголов типа *злорадствовать, злобствовать* семантической вторичности глагола соответствует формальная.

Среди имен других состояний, — например, социальных, — тоже есть такие, которые семантически проще, чем соответствующий предикат, и в ТКС они иногда берутся за исходные при толковании. Так:

брак = 'социально признанный и социально регулируемый контакт...' (*контакт* — это состояние);

X женат на Y-е = 'X состоит в браке с Y-ом'.

Разумеется, мы не утверждаем, что в паре «имя эмоционального состояния — предикат» направление семантической производности всегда идет от имени к предикату. Так, в паре *страх — бояться* обычно толкуется глагол, ср. [Зализняк Анна 1983], а имя *страх* можно охарактеризовать как 'состояние, в котором находится X, который боится' — в одном из значений глагола *бояться*².

Таким образом, лексическое значение имени состояния, которое находится в регулярном семантическом соотношении с предикатом состояния P, не может быть представлено как S₀(P). Оно толкуется либо вообще независимо от P — как общее имя индивида, относящегося к классу состояний, — либо через P, но с помощью толкования, имеющего стандартную схему: 'состояние, в котором находится тот X, который P'. В любом случае, вершиной толкования является родовой терм *состояние*. Так могут быть построены толкования, скажем, для слов *растерянность, подавленность, неуверенность, недовольство, задумчивость, гнев, отчаянье*, которые являются именами состояний от предикатов *гневаются, отчаивается, растерян, подавлен, неуверен, недоволен, задумался* (не *задумчив!*). Когда слово *безнадежность* выступает как имя состояния, оно не может быть истолковано как S₀(*безнадежен*), хотя для пропозитивного значения слова *безнадежность* такое «толкование» допустимо.

По аналогичным соображениям оператор S₀ не может использоваться в толковании предикатных имен других аспектуальных классов — имен событий, процессов и свойств: в толковании этих слов должен фигурировать классификатор, выражающий соответствующее родовое понятие.

3. АСПЕКТУАЛЬНЫЙ КЛАСС И КВАНТИФИКАЦИЯ

Трактовка имен ситуации как общих имен по Куайну позволяет дать объяснение тому факту, что эти имена, в принципе, имеют полную парадигму денотативных статусов. Между тем пропозитивные имена, как и пропозиции, статусов не различают³.

² Впрочем, в психологии понятие страх (ср. понятие метафизического страха у Кьеркегора или понятие страха в философии экзистенциализма) рассматривается как первичное.

³ В самом деле, парадигма денотативных статусов требует общего имени. Между тем выражения *то, что* или *тот факт, что* — это в чисто синтаксическом плане операторы, порождающие определенные дескрипции, т. е. имена е д и н и ч н ы х сущностей (в данном случае — единичных

Однако для различных аспектуальных типов предикатных общих имен референциальные возможности различны. Так, имена событий (например, *приезд*) имеют практически тот же набор денотативных статусов, что и предметные имена, такие, как *человек* или *стол*; имена событий свободно употребляются во множ. числе, свободно считаются.

Имена состояний имеют ослабленные возможности квантификации по сравнению с именами событий. По своим референциальным возможностям имена событий сопоставимы со счетными предметными именами, а имена состояний — с именами масс [Есперсен 1958: 229]. Многие кванторные слова, например, *некоторый*, имеют в контексте имен состояний особое значение и несвойственное вообще этому слову употребление в ед. числе: *испытал некоторую досаду*.

Имена процессов занимают в плане квантификации промежуточное положение и не вполне однородны.

4. АСПЕКТУАЛЬНЫЙ КЛАСС И СОЧЕТАЕМОСТЬ

Аспектуальный класс предикатного имени позволяет делать надежные предсказания относительно его регулярной, т. е. семантически мотивированной, сочетаемости. Ниже перечисляются наборы типовых контекстов для имен процессов, событий, состояний и свойств.

Процессы

1. Все имена ПРОЦЕССОВ допустимы в контексте глаголов со значением ‘протекать’, ‘идти’, т. е. ‘иметь место’ (для процессов: *идет беседа, происходит забастовка /обновление/ увеличение*. Частная разновидность процессов — ДЕЙСТВИЯ, т. е. процессы с активным субъектом и фиксированным пределом, такие, как *покупка, проверка*, но не такие, как *купание, бегство, восстание, прогулка, сон, курение* (которые являются именами ДЕЯТЕЛЬНОСТЕЙ). Имена действия допустимы в контексте глаголов со значением ‘производить’, ‘вести’ (Орег₁ в терминологии модели «Смысл ⇔ Текст»):

Слежку осуществляла группа агентов ФБР; Институт производит прием учащихся; Мы ведем расследование.

2. Все имена процессов употребляются в контексте фазовых глаголов — со значением ‘начинаться’, ‘кончатся’, ‘продолжаться’:

началась борьба, начался дождь; кончилось преследование <инакомыслящих>; продолжается посадка в самолет.

Имена действий допустимы в контексте фазовых глаголов со значением ‘начинать’, ‘кончать’, ‘продолжать’:

вступил в переговоры; закончил проверку; прервал чтение; принялся за починку, приступил к уборке, прекратил выдачу.

Контекст фазового глагола является диагностическим для имен процессов, в противоположность именам событий.

3. Имена процессов (как и имена событий, но в отличие от имен состояний и свойств) сочетаются с показателями временной и пространственной локализации:

Прогулка происходила ночью; Дожди шли в Ленинграде и в Новгороде.

4. Процессы, в отличие от событий, могут быть охарактеризованы с точки зрения их длительности:

фактов); а операторов, которые позволяли бы строить общие имена фактов, в естественном языке нет.

На *переезд* от Порт-Артура до Кинчжоу требовался тогда целый день.

5. Имена процессов, в отличие от имен событий, сочетаются с идеей ‘во время’: *во время выборов*. В сочетании *во время эвакуации* имя может иметь не только процессное значение.

Имена процессов не всегда сочетаются с предлогами *до* и *после*: **до движения*. Если такие сочетания возможны, они имеют нестандартную интерпретацию: имя процесса обозначает событие, состоящее в начале или конце процесса. Так, *до работы* = ‘до начала работы’, *после работы* = ‘после конца работы’; действительно, начало работы и конец работы — это уже события. При этом слово *работа* имеет специальное значение — ‘работа в течение рабочего дня’, т. е. это не просто процесс, а такой процесс, который имеет четкое начало и конец.

Для тех имен процессов, семантика которых предполагает начало и конец, — *война, допрос, забастовка, митинг, обыск, собрание, экскурсия* (но не *возня, жизнь, движение, исследование*) — сочетание с предлогами *до* и *после* не затруднено: *до войны* = ‘до начала войны’, *после войны* = ‘после конца войны’. Однако с именами событий предлоги *до* и *после* взаимодействуют не так, как с именами процессов: *до ссоры* означает не ‘до начала ссоры’, а ‘до того, как произошла ссора’; *после прихода* ≠ **после конца прихода*. Событие, даже если оно реально не точечное, рассматривается в языке как лишенное протяженности, ср. [Арутюнова 1988: 181].

З а м е ч а н и е. Так же как предлог *до*, устроен глагол *ждать*: ждать можно либо события, либо процесса с четко выраженным началом; поэтому нельзя сказать: **ждет поисков*; надо сказать: *ждет начала поисков* или *ждет, когда начнутся поиски*.

6. Имена процессов, исключая, разумеется, ненаблюдаемые процессы, являются нормальными актантами глаголов восприятия [Vendler 1967]: *наблюдал за строительством дороги; следил за беседой; видел бой*. Недопустимое **слышал посадку самолета* при нормальном *слышал, как садился самолет* — это капризы трансформации номинализации.

7. При анафорических отсылках к процессам слово *процесс* может употребляться как КЛАССИФИКАТОР (родовое имя): *Я проходил переаттестацию. Это был мучительный процесс*; или: *в процессе подготовки*. Однако *процесс* — менее естественный классификатор, чем *состояние* или *свойство*, см. ниже.

Однозначно процессными являются имена, образованные от непарных глаголов несовершенного вида; ср. *борьба, возня, курение, поиски, чтение, преследование, движение, бег* (но не *бегство*, которое соотносится с *бежал* в значении ‘убежал’). Гораздо больше предикатных имен типа *разгрузка*, которые могут употребляться и как имена процессов, и как имена событий. Обычно это имена действий.

Примеры существительных, которые могут употребляться как имена процессов: *агитация, беседа, бой, возрастание, война, восстание, выборы, голосование, дебаты, демобилизация, демонстрация, дискуссия, дождь, доклад, допрос, досмотр, жизнь, забастовка, занятие, замена, запуск, заседание, игра, инвентаризация, испытания, исследование, конкурс, консилиум, консультация, купание, митинг, мобилизация, обследование, обстрел, обыск, опрос, осада, осмотр, очистка, переговоры, перепись, перестройка, подготовка, подсчет, посадка, прием, прогулка, работа, разведка, расследование, расчистка, ревизия, регистрация, репетиция, референдум, сборы, следствие по ..., смотр, собрание, совещание, сокращение, соревнование, съемка, урок, учения, учет, чтение,*

экскурсия, эксперимент. *

События

1. Имена событий употребляются в контексте глаголов со значением 'произошло', 'случилось': *В Афганистане произошло землетрясение.*

События отличаются от процессов тем, что имеют ретроспективного наблюдателя. Наблюдатель процесса синхронный, поэтому если Р — процесс, то глагол со значением $\text{Func}_i(\text{P})$ и $\text{Opeг}_i(\text{P})$ несовершенного вида, а если событие, то — совершенного.

События могут быть контролируемые — когда событие есть ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ или ДЕЙСТВИЕ, осуществленное некоторым субъектом (как *проверка, прием*), и неконтролируемые (как *землетрясение, ссора*). Сочетание с Func_0 продуктивно только для имен неконтролируемых событий, ср. существительные, которые, согласно словарям, могут быть подлежащим при глаголе *произойти*: *неприятность* (= 'неприятное событие'), *несчастный случай, несчастье, землетрясение, катастрофа, авария, революция, спор, ссора, объяснение, взрыв, пожар*.

2. Имена событий употребляются в контексте временных и пространственных локализаторов: *Вчера произошло странное событие; Встреча произошла на платформе; Выстрел раздался за моей спиной.*

3. Имена событий используются для временной локализации других событий и процессов, употребляясь с предлогами *до* и *после* (но не *во время!*): *до войны, после революции.*

4. События, в отличие от процессов и состояний, хорошо упорядочиваются во времени: *Его приходу предшествовал звонок по телефону; За первой проверкой последовала вторая*, ср. [Булыгина 1982]. Событие может быть началом (реже — концом) процесса:

Закладка Петропавловской крепости была началом строительства Петербурга.

5. Имена событий допустимы в контексте глаголов восприятия, памяти, воображения: *Я слышал выстрел; Я не заметил его ухода.*

6. Имя события можно употреблять в контексте «быть таким-то событием»: *Его приезд был радостным событием; Приобретение этой библиотеки было для него событием* (= 'важным событием'). В отличие от имен всех других классификаторов (*процесс, состояние, свойство*), слово *событие* не вступает в аппозитивную связь с именами событий, ср. *в процессе перестройки, в состоянии опьянения, обладает свойством непроницаемости, но *после события отъезда.*

Примеры имен событий: *аннексия, арест, выстрел, гибель, избрание, лишение (наследства), ограбление, отстранение (от руководства), победа, поражение, преодоление, прекращение, приход, провал, разгром.*

Однозначно событийными являются имена, образованные от моментальных глаголов, ср. имя *рождение* от глагола *родиться*, *женитьба* от *жениться*, *появление* от *появиться* (*Иван появлялся* = 'много раз появился', а не 'находился в процессе появления'); *взрыв* от *взорваться*, *пропажа* от *пропасть*, *потеря* от *потерять* и подобных.

Между тем, если глагол входит в видовую пару, то отглагольное имя обычно семантически соотносимо с обоими членами этой видовой пары и, следовательно, обозначает не только событие, но и процесс. Так, слово *разгрузка* в примере, приведенном ниже, выступает как имя события:

* Кузнецова, Сиверина 1979 — Т. А. Кузнецова, Е. Г. Сиверина. Лексические указатели процессуальности значения отглагольных существительных в современном русском языке // Науч. тр. Куйбышевского гос. пед. ин-та. Т. 227. Куйбышев, 1979. С. 64—70.

После *разгрузки* старший брат доставал лист бумаги и карандаш, а младший, присев на кирпичи, писал долговые расписки (Дм. Бахин. «Цепь»).

Но то же слово будет именем процесса в сочетании *во время разгрузки*. Другие примеры слов, которые могут, в зависимости от контекста, обозначать и процесс, и событие: *перевыборы, отправка, казнь, разрушение, замена, выполнение, освобождение, покупка, возвращение, объединение, укрепление, развитие, завоевание, приобщение, очистка* и подобные. О видовом противопоставлении у отглагольных имен см. [Виноградов 1947: 118]*, [Фалина 1976].

Состояния

1. Имя состояния сочетается

а) с глаголом, означающим ‘пребывать в данном состоянии’, ср. *пребывать в тревоге, в ужасе, в волнении, в изумлении, в страхе, в грусти, в тоске, в задумчивости, в состоянии готовности, в восхищении, в убеждении; находиться в зависимости; быть в недоумении; испытывать волнение, счастье* и подобные: *Я был в сомнении; Братья часто испытывают друг к другу остервенелую ненависть, которая невозможна между чужими;*

б) с глаголом, обозначающим ‘приходить/прийти в данное состояние’ и ‘выходить/выйти из него’: *пришел в ужас, преодолел смущение, пришел в неистовство;*

в) с каузативным глаголом, означающим ‘привести в данное состояние’ и ‘вывести из него’: *привел в смущение, поверг в уныние (панику), вывел из оцепенения; Резкий звук вывел ее из задумчивости.*

2. Состояния обычно имеют СТЕПЕНИ:

Волнение мое *росло*; любовь *крепла*; Ненависть его брата к Базарову *нисколько не уменьшалась* (Тургенев).

3. Состояния ВЫРАЖАЮТСЯ, ПРОЯВЛЯЮТСЯ:

В чем же *проявляется* его антипатия к Вам? Как мне *выразить* свою любовь?; *проявлять* бдительность; ср. *выказать* уважение; в *знак* уважения.

4. Состояния СОПУТСТВУЮТ действиям и занятиям:

Все было расставлено *с любовью*; Она *с ненавистью* собирала мои вещи.

5. Имена состояний способны вступать со своими классификаторами — *состояние, чувство* — в аппозитивную связь:

Большую часть времени космонавт находится в *состоянии* невесомости; Посмотрела на него с *чувством* превосходства.

Как легко видеть, состояния, в частности эмоциональные, резко отличаются по своим сочетаемым возможностям от процессов и событий. Так, для имен состояний (как и для имен свойств, см. ниже) практически нет глаголов со значением Func₀ (возможны только IncerFunc₀ и FinFunc₀: *любовь ушла; смущение прошло; появилась неуверенность*). В качестве фазовых не используются глаголы *начать(ся)* и *кончить(ся)*. Эмоциональные состояния не допускают локализации в пространстве и не допускают показателей точного времени; не служат для отсчета места и времени; не упорядочиваются во времени (ср. [Булыгина 1982]); неестественны в контексте глаголов восприятия.

* См. также Бунин 1981 — П. В. Бунин. О характере протекания действия и его выражении у отглагольных существительных // Грамматическая семантика языковых единиц. Вологда, 1981. С. 24—36.

Примеры имен состояний: *бездействие, беспамятство, беспечность, беспомощность, бешенство, благодарность, болезнь, верность, влюбленность, возбуждение, возмущение, волнение, вражда, гордость, горе, горечь, готовность, грусть, доверие, жажда, жалость, забытье, зависть, задумчивость, изумление, невесомость, недовольство, ненависть, неуверенность, огорчение, раздражение, растерянность, подавленность, превосходство, привязанность, признательность, симпатия.*

Свойства

1. Имена свойств хорошо вписываются в контекст глагола со значением ‘обладать’, ‘отличаться’, ‘характеризоваться’: *Тема не отличается новизной; Ткань обладает эластичностью.* Ср. другие примеры, где глагол служит для соединения свойства с его обладателем: *В ее взгляде сквозит нежность; Повесть исполнена грусти; Ее полотно пронизывает искренность; От ее письма дохнуло жизнерадостностью.* Сочетания основаны на метафорическом уподоблении имен свойства именам массы.

Сочетаемость с глаголом, приписывающим признак объекту, позволяет отличить имена свойств от пропозитивных имен на *-ость*; ср. *отличается элегантностью* (*элегантность* может быть именем свойства) и **отличается пригодностью* (*пригодность* — только пропозитивное имя).

2. Имена свойств сочетаются с глаголами, выражающими проявление свойства: *проявил принципиальность.*

3. Для имен свойств характерен контекст показателя степени или количества:

В ней *мало* глубины; Ей *недостаёт* решительности; Драматичность зрелища была *велика*; Прочность оказалась *недостаточной*.

Возможность иметь степень отличает состояния и свойства, с одной стороны, от процессов и событий — с другой.

4. Имена свойств сочетаются с некоторыми видами фазовых показателей (*активность сохраняется, не утратил своей ценности, свежести, решительности*).

Заметим, что каузативный контекст не является диагностическим: он возможен для всех четырех классов имен. Так, имена процессов легко вписываются в контекст глаголов каузации, типа: *способствует, препятствует, содействует, помогает, сопровождает(ся), влечет за собой, вызывает, ведет к (росту), приводит к, обуславливает (нормальное развитие, функционирование, ход), прекращает (доступ).* Имена процессов уместны также в контексте каузативных глаголов со значением ‘делать более каким-то’: *задерживает, затрудняет, мешает, облегчает, замедляет, ускоряет, осложняет (развитие)* и т. п.

События и состояния тоже каузируются и каузируют:

Это ускорило *разгром* Новгорода Московским князем; *Прекращение* холодной войны дало нам возможность думать и спорить; Ссылного гонит из Сахалина страстная *любовь* к Родине; Она внушала мне безграничное *уважение*.

Наконец, и имена свойства употребляются в каузативных контекстах:

Редиска привлекала своей *свежестью*; От *тепла* моих рук крышка согрелась. Свойственная ему душевная *неуравновешенность* осложнила жизнь всех троих; Ее *благоразумие* оказало на нас благотворное влияние; Как мне бороться с моей *застенчивостью*? Бесконечное *разнообразие* жизни восхищало Ричарда.

5. АСПЕКТУАЛЬНЫЙ КЛАСС И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Можно указать две линии связи между аспектуальными классами и лексическими функциями.

I. Аспектуальный класс предикатного имени предопределяет набор лексических функций, которых можно при нем ожидать. Поэтому эксплицирование аспектуального класса предикатного имени должно помочь в описании его нестандартной сочетаемости в словаре. Кроме того, если оказывается, что слово имеет какие-то лексические функции, не свойственные своему аспектуальному классу, это означает, что у него есть другое значение. Несколько примеров.

Слово *сомнение* — это, вообще говоря, имя состояния. Однако, употребляясь в таких контекстах, как *подверг сомнению* или *сомнения подтвердились*, оно выступает не как имя состояния. В самом деле, для чистых имен состояний такие сочетания невозможны, ср. **подверг удивлению* или **гнев подтвердился*. Следовательно, в этих контекстах оно имеет другое значение.

В ТКС различается два значения слова *сомнение*:

сомнение = [α] S_0 (*сомневаться*); [β] 'такое-то состояние, каузированное такой-то ситуацией'

По-видимому, значение [α] выделено именно потому, что в некоторых контекстах — например, в двух указанных выше, — слово *сомнение* выражает явно не состояние.

Другой пример. У слова *надежда* отсутствуют самые характерные лексические функции, свойственные именам состояния (ср. **Она была в надежде*, **Она впала в надежду*). И действительно, семантическое соотношение в паре *надеяться* — *надежда* аналогично скорее соотношению в паре *думать* — *мнение*, чем в паре *бояться* — *страх*.

У слова *сон* изобилие прилагательных, характеризующих его разновидности (*сладкий, глубокий, тяжелый, беспробудный, мертвый, беспокойный* и пр.) диагностирует его как имя способа действия (S_{mod}), т. е. *сон* совмещает значения, которые, например, для глагола *ходить* различены словами *ходьба* и *походка*.

II. Слова, для которых осмысленны те или иные лексические функции, обычно составляют определенный семантический класс. Интересный и не очень изученный класс составляют, например, слова, для которых осмысленна лексическая функция Real.

З а м е ч а н и е. В этой работе мы почти не касались понятия ДЕЙСТВИЕ, которое тоже является важной и лексикографически полезной таксономической категорией признаков и предикатных имен. О соотношении между событиями и действиями см. [Menzel 1975].

Подведем итоги.

1. Различение пропозитивных и номинативных предикатных имен и значений имен имеет прямое отношение к лексикографии. Пропозитивные предикатные имена (и их значения) имеют иное толкование, чем номинативные: только пропозитивное имя может быть представлено, в семантическом отношении, как результат номинализации пропозиции, т. е. как синтаксический дериват глагола или предикатива. Многие номинативные предикатные имена допускают пропозитивное значение в качестве одного из возможных, но все-таки не все, так что наличие у предикатного имени, наряду с номинативным, пропозитивного значения должно указываться в словаре.

2. Пропозитивное имя (как и другие субстантивы I типа) в референциальном отношении подобно константе — это определенная дескрипция. Номинативное предикатное имя — это разновидность общего имени, т. е. имени, которое, в сочетании с детерминативами того или иного рода, может приобретать весь возможный набор денотативных статусов. Языки логики, которые используются в лингвистической семантике для представления смысла предложений, не всегда содержат общие имена. Синтаксический аналог общему имени имеется в языке многосортной логики предикатов — это имя предметной области переменных, ср. [Падучева 1971: 47]. Предложенные схемы толкования предикатных имен ситуации основаны на использовании небольшого числа предметных областей в качестве таксономических суперкатегорий «непредметных» сущностей.

3. Эксплицитное указание таксономической категории (в первую очередь — аспектуального класса) имеет принципиальное значение для раскрытия семантики предикатного имени. Аспектуальные классы

а) позволяют решить проблемы квантификации и референции номинативных предикатных имен;

б) составляют базу для описания семантически мотивированной сочетаемости;

в) вносят упорядоченность в описание фразеологической сочетаемости, а именно, позволяют предсказывать наличие/отсутствие у слова тех или иных лексических функций.

Приложение

Статья перепечатана в книге: Е.В.Падучева. Статьи разных лет. М.: Языки славянской культуры, 2009 – с послесловием.

Послесловие от мая 2008 года

Как и статья о возвратных местоимениях 1983 года, эта статья является реакцией на ранние концепции порождающей грамматики, которые допускали трансформации с широким набором свойств, в частности, трансформации, способные породить имена из глаголов в предикативной форме. В работе проводится деление предикатных имен на ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ, т.е. имена фактов, и НОМИНАТИВНЫЕ, т.е. имена процессов, событий, состояний, свойств. Последние заведомо не являются результатом трансформации предикативной клаузы – этой проблематике посвящена известная статья Chomsky 1972.

Одна из центральных тем работы – видовое противопоставление у номинативных имен. В традиционной русской грамматике бытуют две точки зрения (см. Гловинская 2002). Одна состоит в том, что у глагольных имен видовое противопоставление нейтрализуется (Виноградов 1947: 118–120), и даже в примерах типа *чтение – прочтение*, несмотря на видовое различие основ, семантическое противопоставление ослаблено. Другая точка зрения – что оно по крайней мере частично сохраняется, ср.: *опоздание – опаздывание, нажатие – нажимание* (Пешковский 1935: 100-101).

Смысл большого числа работ, написанных на эту тему, сводится к тому, что видовое противопоставление, свойственное глаголу, иногда сохраняется в глагольном имени, иногда – нет.

Чтобы сдвинуться с этой мертвой точки, следует различить две проблемы – формальную (от какой из видовых основ образовано существительное и возможна ли пара существительных, образованных от разных видовых основ одного глагола) и семантическую (какие аспектуальные противопоставления могут и какие – не могут наследоваться отглагольным именем. Формальная сторона дела исчерпывающим образом описана в работе Зализняк 2007. Что же касается семантической, то самым полным на настоящий момент исследованием на эту тему является статья Чжан 2007. Национальный

корпус русского языка позволяет обозначить новый этап в решении этой проблемы. Скажем, для слова *ввинчивание*, которое в Гловинская 2001: 59 трактуется как имеющее однозначно имперфективное значение, Корпус дает обе возможности:

(а) Вывинчивание или *ввинчивание* [СВ] мушки можно легко произвести при помощи отвертки, имеющейся в пенале принадлежностей. ("Солдат удачи", 2003)

(б) Уши у того были большие, хрящеватые и по мере *ввинчивания* [НСВ] в них из игриво розовых становились смертельно белыми. (Е. Евтушенко. "Волчий паспорт", 1999)

В моей работе о предикатных именах ставилась более скромная задача: перенести аспектуальную (в нынешних терминах – акциональную) классификацию, разработанную на глаголах, на предикатные имена и описать свойства имени, вытекающие из его принадлежности (быть может, неоднозначной, к тому или иному классу) – т.е. выявить сочетаемостные характеристики каждого из классов. Имена действия не выделены в этой классификации в отдельный класс – они составляют, в аспектальном отношении, подкласс процессов, будучи предельными процессами – агентивными.

В работе Пазельская 2003 дается более дробная, чем вендлеровская классификация имен (использующая методику из Tatevosov 2002), которая позволяет предсказать способность их употребления в имперфективных контекстах, с синхронной перспективой (например: *во время погружения*), и в перфективных – ретроспективных (например: *после погружения*). Достоинством этой классификации является ее типологическая ориентированность.

Надо сказать, что для глаголов русского языка сочетаемостные свойства вендлеровских и пост-вендлеровских классов глаголов описаны далеко не полностью, см. в Падучева 1996 дистрибутивный анализ для семи классов глаголов *imperfectiva tantum*. По глаголам английского языка ценный материал содержится в Smith 1991.

Е. В. Урысон (2003: 143) справедливо не соглашается с тем, что запрещенное *Мы слышали посадку самолета* (при нормальном *Мы слышали, как садился самолет*) является «капризом трансформации номинализации». На самом деле, этот запрет семантически мотивирован – скорее всего, он вытекает из сформулированных в Урысон 2003 общих ограничений сочетаемости имен действия с разными предикатами восприятия – типа *наблюдать* и типа *слышать*. (Так что это не каприз – не говоря о том, что имена действия не порождаются трансформацией номинализации.)

Еще одна тема, затронутая в этой статье, – семантическая мотивированность лексических функций, хотя бы частичная. Основатели модели «Смысл–Текст» считали, что лексические функции идиосинкретичны и могут быть заданы только словарем. Между тем, мотивированность ЛФ очевидна для имен эмоций (см. Булыгина, Шмелев 2000); в Reuther 1998 выявлена мотивированность лексических функций типа *Incer*; в Апресян 2004: 29-32 обосновывается семантическая мотивированность лексических функций типа *Oreg*.

Лексико-функциональные глаголы сейчас выходят на международную арену под именем «легких глаголов», *light verbs*, см. Ramchand 2008.

Литература

Chomsky 1972 – Chomsky N. Remarks on nominalization. // Chomsky N. Studies in semantics in generative grammar. The Hague: Mouton, 1972.

Апресян 2004 – Апресян Ю. Д. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на *оказывать*) // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: ЯСК, 2004.

Зализняк 2007 – А.А.Зализняк. К вопросу об образовании русских отглагольных существительных на *-ние, -тие*. *Terra balkanica. Terra slavica: К юбилею Т.В.Цивьян*. М., 2007. С. 43–51.

Пазельская А.Г. Аспектуальность и русские предикатные имена. // *Вопросы языкознания*, 4, 2003, с.72-90.

Рахилина 1991 — Рахилина Е. В. Предметные имена и имена предикатов. — *НТИ*, сер. 2, №5.

Чжан 2007 – *Цзяхуа Чжан*. Аспектуальные семантические компоненты в значении имен существительных в русском языке. *ВЯ* 2007 №1, 27-43.

Reuther 1998 – *Reuther T.* О сочетаемости фазовых глаголов с существительными в чешском и русском языках // Е. Нajičovб (ed.). *Issues in Valency and Meaning: Studies in honour of Jarmila Panevova*. Prague: Charles Univ. Press, 1998. P. 62–74.

Ramchand 2006 – Ramchand G. *Verb meaning and the lexicon. A first Phase syntax*. Cambridge university Press. Cambridge 2008.

Булыгина, Шмелев 1997 – *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Перемещение в пространстве как метафора эмоций. // *Логический анализ языка. Языки пространств*. М., 2000.